

РОССИЯ В
МЕМУАРАХ

Новое
Литературное
Обозрение

В. В. Водовозов

Жажду бури...

Воспоминания, дневник

Том II

Новое
Литературное
Обозрение

Москва, 2023

УДК 94(47+57)«189/193»

ББК 63.3(2)61-8

В62

Серия выходит под редакцией

А. И. Рейтблата

Водовозов, В. В.

В62 «Жажду бури...» Воспоминания, дневник. Т. II / Подгот. текста, статьи, комментарии, библиографический список, аннотированный указатель имен В. Л. Гениса. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 608 с. (Серия «Россия в мемуарах»)

ISBN 978-5-4448-1989-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4448-1990-6

Воспоминания революционера и публициста Василия Васильевича Водовозова (1864–1933), охватывающие период с 1880-х и до конца 1917 года, публикуются впервые. Начиная с колоритных описаний тюремного и ссылочного быта, мемуарист повествует об истории своего участия в освободительном движении, сотрудничестве с газетами и журналами демократического направления, о деятельности в Трудовой фракции Государственной Думы, а также отношениях с политическими деятелями того времени. Среди знакомых В. В. Водовозова были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. В. Тарле, священник Г. А. Гапон, А. В. Луначарский и А. Ф. Керенский. Особый интерес представляет критический портрет В. И. Ленина, с которым автор тесно общался в молодости. В качестве дополнения в книге представлен дневник 1919–1920 годов, описывающий драматический быт советского Петрограда: продовольственные карточки, дефицит дров, одежды и продуктов питания, обыски и репрессии. В послесловии прослеживается дальнейший жизненный путь Водовозова, закончившийся трагической смертью в эмиграции.

УДК 94(47+57)«189/193»

ББК 63.3(2)61-8

В оформлении обложки использованы: Фотографии В. В. Водовозова. ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 181. Л. 8; Д. 260. Л. 1; ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Фрагмент плаката «В жертву Интернационалу», неизвестн. худ., ок. 1918–1919. РГБ.

© В. Л. Генис, составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии, аннотированный именной указатель, 2023

© Ю. Васильков, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

ЧАСТЬ IV. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Глава I. 9 января 1905 г. — Священник Гапон. — Арест
В. И. Семевского. — Запрещение «Нашей жизни»
и «Сына Отечества». — Моя поездка в Москву. — Киев

Война с Японией продолжалась, неудача следовала за неудачей. Недовольство народа правительством, упорно дующим войну, смысл и цель которой были непонятны, росло и наконец проявилось в Петербурге событием, оставшимся в истории либо под хронологической датой 9 января 1905 г., либо под политически окрашенным названием «кровавого воскресенья».

Событие это было многократно описано и в существенных чертах известно хорошо, хотя некоторые вопросы, с ним связанные, до сих пор не вполне ясны; в том числе на личность главного его деятеля, священника Гапона, окончательный взгляд не установился, — да вряд ли когда-нибудь и установится: слишком сложна и противоречива его деятельность, хотя его личность, вероятно, довольно элементарна. Большинство писавших о нем после его смерти склонны характеризовать его одним словом: «provokator», «полицейский наемник», «грубый эгоист» и тому подобное. Несмотря на то что есть много, к сожалению — слишком много, фактов, которые можно привести в оправдание такой характеристики, я до сих пор не могу отделаться от того обаяния, которое он в свое время производил на всех его выдавших, в том числе и на меня, и думаю, что такая характеристика слишком проста и не охватывает всего человека.

Я был на трех или четырех рабочих собраниях, на которых выступал Гапон; только один раз мне удалось поговорить с ним лично в течение нескольких минут, но не этот краткий разговор, а его речи

к рабочим, его наружность, его пафос произвели на меня незабываемое впечатление.

— Клянись, братья, пролить свою кровь до последней капли, чтобы рабочему человеку жилось на Руси, как подобает человеку, — говорил он, поднимая крест.

— Клянемся, клянемся! — гудела толпа.

«Петр Амьенский», — вставало у меня в голове историческое воспоминание.

Нет, это не был провокатор, эта сцена не была заранее разучена и подготовлена в полицейском участке, или... или на свете нет ничего искреннего и верить нельзя никому. Это же действительно вдохновенный пророк, человек глубоко религиозный, глубоко верующий и в Евангелие, и в свое дело. Позднее... да, позднее он был шпионом и провокатором, но тогда — тогда дело другое. Значит, по крайней мере, его глубокая вера была не так уж глубока, если она не выдержала нескольких испытаний, к тому же вовсе не особенно тяжелых?

Не думаю. Чем более я живу на свете, тем более я поражаюсь сложностью и противоречивостью человеческой природы: даже одновременно, тем более в разное время.

Когда-то очень давно в одном немецком описании поездки в Россию я натолкнулся на мысль, которая у меня прочно засела в голове: «С русскими никогда не знаешь, как себя вести: сегодня он действует как герой, завтра как прохвост (ein Schurke)».

Это наблюдение глубоко верно, но только с одной необходимой поправкой: вместо слова «с русскими» нужно поставить «с людьми». Немец принял общечеловеческую черту за национальную. Разве, например, Рошфор не был героем, когда вел борьбу с Наполеоном, еще большим героем, когда из места ссылки спасался вплавь по океану, кишасшему акулами, на иностранный корабль, заранее договоренный, после таинственных и опасных переговоров из места заключения, и не был прохвостом, не гнушающимся никакой клеветой и никаким стовором с заведомыми мерзавцами в своей агитации за Буланже или против Дрейфуса¹? И не один Рошфор. Рошфор мне случайно пришел в голову; таких Рошфоров можно было бы привести сотни и тысячи.

Через 10 месяцев, в октябре того же 1905 г., я говорил о Гапоне с П.Б. Струве. Когда я сказал, что Гапон — человек глубоко верующий, Струве фыркнул.

— Гапон — верующий?!

Струве знал Гапона после его бегства за границу. Гапон побывал на вершине если не формальной власти, то психологической власти над многотысячной толпой и был, хотя и недолго, истинным «властителем дум»² всего рабочего класса и всей интеллигенции России. Такое властительство совершенно одинаково с формальной властью редко проходит даром; от него кружится голова. Добываясь среди русской эмиграции той же власти, какую он пользовался в России, Гапон прибегал к мелким, дрянным интригам и в интригах растерял веру в свое дело, а вместе с нею и веру в Евангелие и в своего бога.

Но вот и другие впечатления от личности Гапона.

В феврале или марте 1905 г. я был в Киеве и рассказывал С. Н. Булгакову о событиях 9 января. Когда я привел наизусть, слово в слово, — я тогда помнил, — воззвание Гапона к народу, написанное им после разгрома рабочих вечером 9 января, в котором Гапон слал проклятие царю-убийце и разрешение народа от присяги³, Булгаков вскочил с места.

— Как, как? Повторите еще раз.

Я повторил.

— Да ведь это, это... — Булгаков не находил слов. — Да ведь это язык библейского пророка! Это что-то вдохновенное самим Богом!

Сам человек религиозный, Булгаков, никогда не выдавший и не слышавший Гапона, почувствовал родственную себе душу даже в моем пересказе.

Прибавлю к этому, что связь Гапона с Зубатовым⁴ и вообще политической полицией не была и не могла быть тайной: об этом знали и говорили все.

Я объяснял эту связь следующим образом. Гапон — деревенский казак⁵, вырос в монархической религиозной и вместе с тем вполне демократической среде. Пройдя духовное учебное заведение, он углубил свое религиозное чувство (что, конечно, бывает далеко не всегда; имеются и прямо обратные случаи) и, сохранив близкую связь с родной деревней, остался монархистом-демократом по душевному складу и по не вполне продуманным политическим убеждениям. Такие ведь бывали в России, и даже немало. Стоит вспомнить хотя бы Мартьянова, о котором говорит Герцен⁶.

Для Гапона именно царь должен был облагодетельствовать народ, и если теперь народу живется плохо, то ответственность за это лежит

не на царе, равно как не на Боге, а на «господах», стоящих между царем и народом. Идеология, опровергаемая всей историей, но разделявшаяся очень многими и более интеллигентными, и более образованными людьми, чем Гапон. Ту же идеологию пропагандировал рабочим Зубатов. Для него она была ширмой, прикрывавшей иные цели, для Гапона — самой его душевной сущностью. Но союз между ними был совершенно естествен и психологически необходим. В этот союз Гапон принес свою веру, Зубатов — свою полицейскую опытность. Без большого труда Зубатов сумел сделать из Гапона свое орудие (не из него одного: Мария Вильбушевич была образованнее Гапона, прошла революционную школу, к тому же она была еврейка⁷, — и все-таки сделалась сторонницей зубатовского полицейского социализма⁸, а в искренности Вильбушевич не сомневался никто из ее знавших, в частности С.Н. Прокопович). Идя по этой дороге, Гапон сблизился с петербургским градоначальником Фуллоном и петербургской полицией вообще. Тут, несомненно, он часто должен был видеть, что его цели не тождественны с целями полиции, но, как часто бывает, он надеялся при помощи своего малороссийского лукавства обмануть полицию и сделать ее своим орудием.

Иногда революционеры или люди революционных устремлений, особенно очень юные, не вышедшие из гимназического возраста, поступали на службу в полицию в расчете перехитрить ее и заставить ее служить своим целям, то есть целям революции. Результат в таких случаях всегда был обратный: они обращались в орудие полицейского сыска и либо кончали самоубийством, либо обращались в шпионов и провокаторов. Но это не говорит против их искренности вначале⁹.

Случай с Гапоном гораздо сложнее. Совершенно несомненно, что при содействии Гапона сети, раскинутые полицией с целью сыска, принесли ей богатейший улов. Но рядом с этим столь же бесспорно, что Гапон, создавший на деньги, полученные от полиции, свои рабочие организации и двинувший рабочую массу к Зимнему дворцу, дал могучий толчок революционному развитию рабочего класса; более того, он дал первый сигнал к первой русской революции, из которой вытекла и вторая.

События 9 января и, может быть, всего более письмо Гапона, о котором я сказал выше, вызвали в обществе горячее сочувствие к Гапону. Однако упорно ходившие слухи о его полицейских связях сильно мущали многих.

— Как ты смотришь на Гапона: герой или сыщик? — спросил меня мой товарищ А.М. Ону недели через две после 9 января.

— Герой, — решительно ответил я.

Теперь я ответил бы: «И герой, и сыщик вместе».

В одной из первых книжек «Русского богатства» за 1905 г. (или замещавшего его журнала под названием, кажется, «Русские записки»¹⁰) появилась характеристика Гапона, вышедшая из-под пера Короленко¹¹. В общем Короленко стоял на той же точке зрения, что и я. В полное собрание своих сочинений он ее не включил, — очевидно, позднейшая, чисто провокаторская и шпионская деятельность Гапона убедила Короленко в ее ошибочности. Об этом следует пожалеть. Статью эту теперь трудно достать. Между тем она написана с обычным для Короленко мастерством, была в свое время вполне правильной с точки зрения известных тогда фактов и — скажу сильнее — является и сейчас правильной, хотя и частично: там ярко и верно нарисован Гапон, но не весь Гапон, а одна его половина. И, во всяком случае, статья сохраняет свою историческую ценность, как взгляд современника на личность и дело Гапона.

Вскоре после трагической гибели Гапона, а может быть, даже незадолго до нее в Англии вышла «Автобиография отца Гапона»; потом она появилась и в русском переводе с английского¹². Написана она, конечно, не Гапоном; он не знал английского, равно как ни одного иностранного языка, да и по-русски самостоятельно написать целую книгу не смог бы. Она написана несколькими эмигрантами по рассказам Гапона и, конечно, не в меньшей мере отражает личности ее действительных авторов, чем личность Гапона. Но все-таки из нее ясно виден и Гапон: если не тот, каким он был во всей полноте своей двойственной личности, то тот Гапон, каким он хотел быть. Конечно, в книге очень много умолчаний; немало и прямой неправды. Но все-таки в главном она — правда, хотя и не вся правда.

В года два тому назад вышедших в советской России мемуарах Русанова рассказывается, как писалась автобиография Гапона, хотя рассказ не доведен до конца, так как Русанов говорит только о том, в чем он сам принимал непосредственное участие, а он в конце концов отказался от составления чужой автобиографии. Тут рассказано о грубой жадности Гапона при гонорарных расчетах¹³. Вообще Гапон является здесь в очень неприглядном виде: в таком же виде он является

в мемуарах Поссе¹⁴ и вообще у всех, кто встречался с ним за границей или после возвращения.

Более того, на меня самого он произвел совсем не симпатичное впечатление, когда я увидел его по прошествии долгих месяцев бурного года.

Случилось это в сентябре (если не в августе) 1905 г.¹⁵ В комнату иностранного отдела в редакции «Нашей жизни» вбежал Неманов:

— Идите к Португалову, у него — Гапон.

Я тотчас же бросился в «Провинциальную хронику» и растерялся: где же Гапон?

Я ясно помнил Гапона. В священнической рясе, с высоко поднятым в правой руке крестом, это был Петр Амьенский: величественная фигура, скорее высокого, чем среднего роста, с благородным выражением умного лица, с медлительными жестами, обыкновенно усваиваемыми священниками. Теперь с Португаловым сидела какая-то вертлявая фигура в пиджачке, низкого роста, с мелкими чертами лица, с быстрыми движениями, нервно курившая папиросу.

— Вы не знакомы? Водовозов, священник Гапон, — представил нас друг другу Португалов.

— Как же, как же, мы знакомы; я имел честь познакомиться с господином Водовозовым, — затараторила фигура.

Пришлось сознаваться в ошибке; это был Гапон. Только не тот Гапон, а другой, кем-то подмененный.

Собралась часть нашей редакции, в том числе и Ходский. Нужно заметить, что в нашей редакции тогда не было двух мнений о Гапоне. Изложенное выше мое первое мнение о Гапоне как о герое было общим. Впрочем, к осени, то есть еще до этого визита, появились и сомнения, но большинство стояло на своем.

Гапон рассказал, что он в Петербурге нелегально, хотел бы легализоваться, но неудобно просить о легализации, совершив только что новое правонарушение беспаспортного въезда в Россию; поэтому нужно просить о разрешении ему въезда в Петербург. Ввиду этого он и пришел просить Португалова как человека, наиболее близко с ним знакомого в нашей редакции, чтобы тот познакомил его с Ходским, а Ходский просил бы Витте. Португалов попросил у Гапона разрешение познакомиться с ним членов нашей редакции, гарантировав ему сохранение тайны. Мы заговорили о пребывании Гапона за границей. Гапон рассказал нам о своей жизни, о своих встречах и переговорах с эмигрантами.

Рассказы его были плоски, бездарны, мелочны. Человек, ведший за собой десятки тысяч народа под знаменем известных политических требований, ровно ничего не понимал в политических вопросах, в политических программах, во взаимных отношениях партий. Он ушел.

Мы все смотрели друг на друга, разводя руками.

— Вот что такое Гапон!

Через несколько дней Ходский был у Витте и исполнил свое обещание Гапону.

— Что вы говорите о разрешении Гапону въезда в Петербург! Гапон давно себе это разрешил. Неужели вы этого не знаете? — ответил Витте и тем пресек дальнейший разговор на эту тему¹⁶.

Прошло 12 лет. Первая революция была раздавлена на московских баррикадах и обойдена обманом 17 октября¹⁷; пронеслись годы тяжелой реакции; шумела новая, более страшная военная гроза, и началась новая революция. На первое время все вздохнули свободнее.

Ко мне пришли два раньше незнакомых мне рабочих.

— Мы к вам с просьбой. Нельзя ли реабилитировать Гапона?

— То есть... Что вы этим хотите сказать?

— Про Гапона говорят, что он провокатор, шпион, а мы этому не верим.

— То есть как это не верите? Вы не читали рассказа Рутенберга¹⁸, почему он убил Гапона?

— Слышали, да все это вранье. Ничему мы не верим. Это был святой человек. Он нам глаза открыл. Не мог он быть шпионом.

— Но что же вы хотите от меня?

— Вы пишете. Напишите в газетах, что это неправда.

— Да ведь нельзя же просто написать: неправда. Надо привести доказательства. А какие у вас доказательства?

Доказательств у моих рабочих не было. Но у них была вера в Гапона, и эту веру они пронесли через 12 лет своей рабочей жизни, пронесли, несмотря на все доказательства противного. Таковую веру в себя не мог возбудить «просто провокатор».

От этого длинного экскурса в область человеческой психологии возвращаюсь к фактическому изложению.

5 или 6 января началась в Петербурге забастовка, нарушившая всю нормальную жизнь. Забастовали и типографии, и мы, газетчики, были свободны.